

Содержание

Дмитрий Тихонов РЯЖЕНЫЙ	5
Ольга Рейнардин ОЗЁРНЫЕ СВЯТКИ.....	21
Ирина Невская, Алексей Гибер ЗАЗОРЫ.....	49
Ольга Цветкова, Марина Вернон ВЕДЬМИНО УЧЕНЬЕ.....	79
Наталья Русинова ДЕДОВЫ ПРЕМУДРОСТИ.....	121
Евгений Чеширко ЛЮДИ И НЕ ЛЮДИ	163
Оксана Заугольная СНЕЖИТЬ	201
Рина Солнцева ТОТ СВЕТ	227
Родион Вишняков ВЛАДЫКА-МОРОЗ.....	241
Ирина Невская, Александр Подольский ЭНКОЛПИОН.....	259
Элина Лисовская ТОПКАЯ ВЕСЬ	289
Александр Егоров КУДРЯШ. МЕЛЬНИЦА СМЕРТИ.....	331
Мария Роше ОСТУДА.....	361
Александра Уба МЕДОВЫЙ.....	391
Анна Гурова ХОЗЯИН ЗИМЫ.....	423

Дмитрий Тихонов

РЯЖЕНЫЙ

— **Х**ристос рождается! Славите!
Ледяной ветер обжигает щёки, бросает в лицо колючую снежную крупу, уносит дыхание, вырывающееся из рта белым паром. Снег звонко хрустит под торопливыми шагами, и от хруста кажется, будто следом, совсем рядом, идет ещё кто-то, большой и тяжёлый.

— Христос на земле — встречайте!

Серебряный морозный лунный свет залил всё вокруг, вычертив на снегу чёткие тени — такие же иссиня-чёрные, как бездонная пропасть неба вверху. Снег и небо, свет и тьма, а между ними только деревня, да смех, доносящийся из-за домов, да звучная, плавная песня.

— Христос с небес — возноситеся!

Глеб спешил. Просторный и светлый, но уже покосившийся от времени дом, в котором его отец, сельский учитель, жил вместе со всей своей немногочисленной семьёй, стоял на самом отшибе, рядом с ветхой школой. Чтобы оттуда добраться до околицы, где сегодня начались святочные гулянья, ему даже летом потребовалось бы немало времени. А уж теперь и подавно: закутанный в тулупчик, доставшийся от старшего брата, в валенках не по ноге, в свалывшемся отцовском треухе неуклюже вышагивал он по главной деревенской улице, потяя и тяжело отдуваясь.

Голоса становились всё громче, отчётливее. Впереди показалась вереница огоньков — это уже шли по деревне колядовщики, от дома к дому, от крыльца к крыльцу. Где-то среди них был и брат, нарушивший вчерашнее обещание взять его с собой. Глеб скрипнул зубами от досады и побежал. Валенки тёрли ноги, треух то и дело съезжал на глаза, по спине лился пот, но он бежал, потому что хотел быть

среди этой веселящейся толпы, хотел смеяться и петь вместе с ними, славить и колядовать. Хотел увидеть ряженных.

Процессию, как полагалось, возглавлял мехоноша. Глеб узнал его, это был Никита, сын кузнеца и лучший друг брата. Высокий, плечистый, он закинул за спину огромный холщовый мешок, пока ещё наполненный едва ли на четверть. Следом за ним шли парни и девушки с фонарями в виде берестяных домиков со свечами внутри и бумажными звёздами на высоких шестах. Когда Глеб наконец подбежал к ним, они как раз поднимались на очередное крыльцо.

Чуть позади колядовщиков двигались ряженные. У них не было фонарей, и здесь, между светом и тьмой, они выглядели сумрачно и жутко. Массивные, бесформенные силуэты с бледными уродливыми мордами, в которых было совсем мало человеческого. У Глеба захватило дух. Он вдруг вспомнил, как два года назад бабушка рассказывала им с братом, что во времена её молодости ряженные изображали вернувшихся из гроба мертвецов, которые стремились к своим родным в канун Рождества. Глебу тогда было всего семь, и он мало что понял, но сейчас готов был поверить, что перед ним не живые люди, а выходцы с того света. Бабушка умерла ещё весной, и, может, она тоже стояла среди них.

Но кто-то в толпе ряженных, несмотря на мороз, ударил по струнам балалайки, кто-то — в мохнатой медвежьей маске — звонко и гулко ударил в бубен, и наваждение исчезло, пропало без следа. Нет и не было никаких покойников, лишь весёлые гуляки в вывернутых мехом наружу тулупах и с закрытыми лицами. Остановившись, тяжело дыша, во все глаза смотрел Глеб на маски: тут и козёл, и медведь, и волк, и свинья, и чёрт. Некоторые мужики, не мудрствуя лукаво, повязали на головы бабьи платки или просто вымазали щёки сажей, некоторые нацепили берестяные личины с нарисованными на них смешными рожами. Никого не узнать.

Ряженный

Хотя нет, вон у одного из-под бараньей морды свисает густая сивая борода. Это наверняка дед Семён, первейший деревенский балагур. А вон тот, с большим бумажным клювом на носу, похож на пастуха Ваську. Глеб наконец-то отдышался и успокоился. Всё-таки он успел на самую весёлую часть праздника.

Мехоноша Никита тем временем громко постучал в дверь, закричал низким, раскатистым басом:

— Эй, хозяйева!

Его спутники и спутницы грянули дружным хором:

— А мы к вам пришли! Поклон принесли!

Дверь открылась, выглянул хозяин — коренастый, лысый, в вязаной телогрейке. Густая борода не могла скрыть широкую довольную улыбку.

— Чего расшумелись? — притворно рассердился он. — А ну ступайте прочь!

— Коль не дашь пирога, ни кола ни двора! — ответили колядовщики.

Начался неспешный, обстоятельный шутовской торг, по заведённому испокон веков обычаю. Гости угрожали, умоляли, льстили, а хозяин отнекивался и бранился, но мало-помалу уступал. Глеб знал, что в конце концов он вынесет и пирог, и другие сладости, а к полуночи, когда процессия обойдёт всю деревню, мешок будет набит угощениями до самого верха. Тогда уж начнётся пир горой.

Ряженные тоже не скучали без дела. Двое из них, петух и свинья, сошлись посреди улицы в потешном поединке под размеренное позвякивание бубна, бренчание балалайки и одобрительные выкрики товарищей. Петух вертел головой, хлопал себя руками по бёдрам, а свинья уморительно хрюкала. Вот они сшиблись, свинье удалось подмять противника под себя, но тот, изловчившись, тюкнул её клювом

в самое темя. Взвизгнув, свинья отпрянула, и петух тут же налетел на неё, пронзительно крича победное ку-ка-ре-ку. Все вокруг сгибались пополам от хохота.

Неожиданно сзади раздалось:

— Эй, Глебка!

Глеб обернулся и тут же получил по лицу жёстким снежком. Мимо промчался Афонька, его одногодок, главный заводила среди всех деревенских детей. Смеясь, он крикнул:

— Рот не разевай! — и скрылся в толпе.

Отплевываясь, Глеб бросился вслед, на ходу выдернув из сугроба пригоршню снега. Обидчику предстояло поплакаться.

Шло время, неумолимо исчезая в пустоте, и стрелки на часах ползли своей обычной дорогой. Но для тех, кто пел и плясал на улице, эта волшебная ночь растянулась надолго, и казалось, не будет ей ни конца, ни края — только вечный, беспшабашный праздник, полный уютного счастья, слегка захмелевший от свежесваренной браги.

Колядовщики стучались в каждую дверь, везде неизменно получая гостинцы. Мешок на плече у Никиты заметно раздулся, и вздыхал мехоноша тяжело, устало. Но улыбка не сползала с его довольного лица. Такая уж это была ночь.

Ряженные пели частушки и колядки, ревели звериными голосами, мутузили друг друга и разыгрывали смешные сцены. Носилась вокруг мелюзга, перебрасываясь снежками. Глеб, не обращая внимания на остальных мальчишек, преследовал Афоньку. Тот оказался чересчур ловок и постоянно уворачивался от его снежков, дразнясь и обзываясь. Первоначальная обида на него прошла, остался лишь азарт, горячий азарт настоящего охотника. Вот она, дичь — высовывает розовый язык, поскальзывается на бегу. Сейчас, сейчас!

Опять не попал!

Снежок пролетел мимо цели. А Афонька, вконец расшалившись, кинулся к безоружному Глебу и, сорвав с его головы треух, побежал прочь.

— Эге! — гневно закричал Глеб. — Отдай!

Не тут-то было. Торжествующе тряся трофейной шапкой, обидчик скрылся за углом ближайшего забора. Вот ведь гадина! Глеб чувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы. Отпуская на гулянье, мама строго-настрога велела ему не снимать треух. Особенно после бега, как бы жарко в нём ни было. И вот. А если он так и не получит его обратно? Предрождественский мороз уже высушивал капельки пота на висках, пока это ещё приятно, но ничего хорошего ждать, понятное дело, не приходилось.

Ни один из гуляк не обратил внимания на его беду. Коядовщики как раз подошли к дому старосты, и никому вокруг не было дела до девятилетнего мальчика, потерявшего свою шапку. Проглотив слёзы, Глеб двинулся по Афонькиным следам.

Повернув за угол, оказался он в узком проходе меж двух дворов. Проход этот вёл к старому колодцу, за которым начиналось поле. Летом мальчишки любили прятаться около него, очень уж удобное и неприметное было место. Колодец давно пересох, а площадка вокруг заросла малиной и жимолостью. Пока прячешься, можно ягод наесться до отвала. Сейчас же здесь всё было покрыто толстым белым покрывалом, и на нём отчетливо отпечатались следы Афонькиных валенок. Они уходили вперёд, скрываясь в темноте.

— Афо-о-онь! — крикнул Глеб. — Хватит! Верни шапку!

Тишина. Мороз больно щипал уши. Подняв повыше воротник тулупа, Глеб побрёл по проходу. Над покосившимися заборами с обеих сторон нависали чёрные ветви, голоса

и музыка позади теперь звучали глухо, будто доносились издалека, но он всё равно разбирал слова колядки.

— Коляда, коляда! Ты подай пирога!

Заборы закончились, и впереди показался занесённый снегом сруб колодца. Следы огибали его. В свежем смёрзшемся воздухе вдруг почудился какой-то странный запах, сладковатый, но неприятный. Идти дальше совсем расхотелось.

— Или хлеба ломтину, или денег полтину!

Ещё звуки. Странный хруст, возня и будто бы тяжёлое, с присвистом, дыхание. И ещё что-то. Песня мешала, колядовщики слишком старательно уговаривали старосту.

— Или куру с петушком! Или браги с калачом!

Обогнув колодец, Глеб чуть не наступил на свою шапку. Рядом с ней валялась серая варежка. Подобрал их, он поднял голову и увидел.

— Отворяйте сундучки, доставайте пяточки!

Чуть в стороне, между кустов жимолости, на потемневшем снегу лежал, раскинув руки, Афонька, а над ним нависала огромная фигура в тулупе, вывернутом мехом наружу. С длинных когтистых пальцев падали чёрные в лунном свете капли. Падали и прожигали снег. Задранная кверху рогатая маска козла бессмысленно пялилась в сияющее звёздами небо. А от того, что было под маской, уже готовый вырваться крик застрял у Глеба в горле.

Судорожно хватая ртом воздух, он развернулся и бросился бежать, краем глаза успев заметить движение позади себя. Ужас подстёгивал его, сердце бешено колотилось, и ноги, уже немало потрудившиеся в эту ночь, изо всех сил несли вперёд, мимо заборов, на главную улицу, туда, где горели окна и свечи в берестяных фонарях, где звенели весёлые песни и под масками скрывались улыбающиеся человеческие лица.

Ряженный

Хриплое, утробное дыхание за спиной становилось всё ближе. Догоняет! Ещё немного! Ещё!

Слетел с правой ноги валенок, Глеб испуганно вскрикнул и в следующее мгновение, потеряв равновесие, упал лицом вниз, в белую ледяную мглу.

* * *

Он стоял на большой поляне, окружённой со всех сторон густым, сумрачным лесом. На правой ноге не было валенка, но холода он не чувствовал. Только страх. Там, за деревьями, что-то двигалось. Хрустели ветки, шелестели кусты, облетал с крон снег. Везде только чёрное и белое.

Вот раздвинулись на опушке тесные заросли можжевельника, и на поляну один за другим вышли троё ряженных: высокие, сгорбленные, в шубах наизнанку. Маски у них были разные: у первого — медведь, у второго — кабан, у последнего — волк. Вышли и остановились, застыли, словно не решаясь идти дальше, словно охраняя невидимую границу леса, замерли на ней неподвижными истуканами.

Чуть не плача от ужаса, Глеб направился к ним. Медленно, осторожно, напряжённо. Сам себе удивляясь. Что-то вело его, придавало отчаянной смелости. Встал перед первым, потянулся рукой, бережно приподнял маску. Под ней было лицо его отца. Бледное, худощавое, с аккуратно постриженной бородкой.

— Всё будет хорошо, сын! — сказал отец ласково. — Ты только вернись.

Кивнул ему Глеб, немного отлегло у него от сердца. Шагнул ко второму, сдвинул уродливое кабанье рыло, а за ним — бабушкины лучистые глаза. Живые, добрые, вокруг — сеточка морщинок. Как если бы и не умирала, не оставляла их.

— Нельзя тебе, Глебушка, в лес, — бабушка улыбнулась, отчего морщинки заметней стали. — Холодно там.

Улыбнулся Глеб в ответ и кивнул ей. Потянулся к третьей маске. Оскалилась волчья морда, ощерила клыкастую пасть, зарычала сердито. Отдёрнул мальчишка руку, отступил на шаг. Не испугался, удивился только. Тут сзади вдруг донеслось:

— Эй, я здесь!

Обернулся он, а с другой стороны на поляну как раз выходит Афонька. Целый и невредимый, будто бы и не рвали страшные кривые когти ему грудь и живот, будто бы не плавился вокруг него снег, пропитанный горячей кровью. Стоит себе, ухмыляется, рукой машет.

Обрадовался Глеб, побежал навстречу. Но видит тут — что-то не так с Афонькой. Он вроде как и ростом выше стал, и толще, массивней. И вместо улыбки застыла у него на лице жуткая гримаса.

И хочет Глеб остановиться, а не может уже, ноги опять подводят, сами несут его навстречу тому, что совсем недавно было весёлым дурашливым мальчонкой, а теперь лишь притворяется им. Бывший Афонька раздувается до невероятной степени, и одежда его трещит по швам, и рвётся, и сквозь дыры лезет наружу чёрный свалывшийся мех вывернутого тулупа. Лицо расплывается, разлетается клочьями, обнажая выцветшую рогатую маску козла.

— Кто ты? — кричит Глеб на бегу. — Кто ты такой?!

— Я никто! — насмешливо ревёт чудовище в ответ. Оно огромно, закрывает собой уже половину неба, но всё продолжает расти.

— Я никто! Я могу надеть любую личину!

И свет меркнет.

— Он что-то сказал. Ты слышал, он что-то сказал!

— Да, кажется, приходит в себя.

Глеб открыл глаза. Тьму рассеивала стоящая рядом свеча. Он лежал в своей кровати, укутанный до самого подбородка одеялом. В доме было жарко натоплено, и он весь взмок.

— Видишь, я же говорил, что всё будет хорошо.

Отец. Родной, знакомый голос. Прохладная влажная рука легла ему на лоб.

— Жара нет.

— Глебушка мой!

Это мама. Она сидела рядом, и даже в таком тусклом, неровном свете было хорошо заметно, какие у неё красные, заплаканные глаза. Теперь в них зажглась радость.

Она обняла, поцеловала его. Глеб приподнялся на локтях. За окном продолжалась иссиня-чёрная ночь, и в небе одиноко висела бледная луна.

— Давно я сплю? — спросил он, зевнув.

Отец, поправив очки, пожал плечами:

— Часа четыре. Тебя принесли незадолго до полуночи. Сразу побежали за Авдотьей... — он тронул маму за плечо. — Пойду, разогрею питьё.

Она кивнула, не сводя глаз с сына. Потом стала ему объяснять:

— Авдотья осмотрела тебя, сказала, чтобы не переживали. Да как тут... Мы, конечно, и за доктором послали, только раньше утра он всё равно не приедет. Да и то ещё непонятно, Рождество ведь.

Глеб кивал. Авдотья была деревенской повивальной бабкой, и он уже несколько месяцев назад узнал, что это означает. Она же являлась и костоправом, и травницей, к ней обращались с куда большей охотой, чем к доктору, жившему в соседнем селе.

Вошёл отец, неся чашку с ароматной горячей жидкостью.

— У тебя голова не кружится? — спросил он.

— Нет.

— А горло не болит?

— Нет.

— А нос не заложен?

— Не заложен.

Он снова положил руку сыну на лоб.

— Никакого жара. Слава Богу, всё обошлось. Выпей вот это.

Глеб осторожно взял чашку.

— Тот мальчик... — сказал вдруг отец, и мама как-то странно на него посмотрела. — Скажи... Это ведь был волк?

Глеб удивился:

— Что? Какой волк?

Тут неожиданно он понял, о чём идёт речь. Губы его задрожали, из глаз сами собой хлынули слёзы. Мама едва успела забрать у него из пальцев чашку, иначе он бы выронил её. Уткнув лицо в ладони, мальчик разрыдался. Мама обняла его судорожно вздрагивающие плечи, отец успокаивающе гладил по волосам, приговаривая:

— Ну, ну, будет тебе, будет.

Потом слёзы кончились. Всё ещё всхлипывая, Глеб сел на кровати и большими глотками выпил всё, что было в чашке.

— Вот молодец. А теперь тебе надо поспать. Утро вечера мудренее, встанешь завтра, и всё покажется плохим сном. Спи.

Глеб кивнул, опустил на подушку, закрыв глаза. Мама поцеловала его в щёку, задула свечу, и они с отцом вышли за занавеску, отделявшую его закуток от большой комнаты, и теперь мальчик мог лишь слышать их приглушённый шёпот.

- Тебе тоже надо лечь. Вымоталась вся.
- Нет, Авдотья велела проведать её, как только Глебушка в сознание придёт. Я сейчас к ней быстренько сбегаяю.
- Вот не спится старухе. Ну хорошо, пошли. Я обещал Матвею помочь... У колодца. Урядник сказал, нельзя ничего трогать до приезда пристава. А они с доктором только с утра появятся. До тех пор надо охранять. Может, зверя-то выследим.
- Царица небесная, от кого охранять?
- От волков. Да и от людей тоже, незачем им глазеть.
- А Глебушке придётся с приставом говорить?
- Ничего не поделаешь. Он единственный, кому довелось хоть что-то увидеть. Ума не приложу, что им там понадобилось.
- Ох, горе-то какое. А кто этот бедняжка?
- Говорят, сынишка Фёдора Сипатого. Самого Фёдора добудиться не могут никак, пьян мертвецки ещё с полудня.
- Боже ты мой! Ведь в Рождество...

Закрылась дверь, шаги прошумели в сенях, и наступила тишина. Глеб остался в доме один. Он не спал и вовсе не спалось. Кусая губы, лежал в темноте и думал, как хотелось ему прервать отца, вскочить с кровати и крикнуть, что это был вовсе не волк, не волк, не волк! Что волк совсем не плохой, он только рычал, потому что не хотел пропускать его в лес, а Афоньку, по правде, убил ряженный в маске козла, который на самом деле...

Кто же он на самом деле? Покойник, жадный до человеческой крови? Пастух Васька, бывало, рассказывал им про таких. Выбрался мертвяк из могилы и закрылся личиной, затерялся среди других ряженных, выжидая удобного момента. Или это лесной житель, болотный дух, оголодавший за лютую зиму, притворившийся человеком? Бабушка, наверное, знала бы ответ.

Глеб перевернулся на другой бок, посмотрел в окно. Теперь он всё хорошо вспомнил, и перед глазами стояли тяжёлые капли, срывающиеся с острых изогнутых когтей. У покойников могут быть такие когти. Кажется, один из друзей говорил ему, что у мертвецов ногти и волосы растут и после смерти. Да, может быть, это пустая брехня.

Чу! За окном что-то промелькнуло. Показалось, будто на мгновение чёрная тень загородила собой луну. Сердце вновь бешено забилося в груди, как тогда, у колодца. Прислушался. Тишина. Мерно тикают старые настенные часы с кукушкой в большой комнате, да вроде бы скребётся мышь под полом. И всё. Наверное, моргнул просто.

Тихий, еле уловимый шорох раздался в сенях. Ветер? И вот опять — слабое шуршание. Там кто-то был. Мальчик не спеша сел на кровати, облизал пересохшие губы. Потянулся рукой к свече, но в этот момент услышал, как открывается дверь в большой комнате. Поток холодного воздуха ворвался в дом, зашелестел занавеской.

